

TION OF THE WORLD

Abstract: Interpreting "globalization" in terms of unification of the world by means of a civilization, the author makes common cause with the platform developed in the search literature on presence of cer-

tain indicators of the optimum effective productive decision of history.

Key words: globalization, an optimality, efficiency, productivity, life reproduction.

УДК 101.1 : 136

Родин П.Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Аннотация: Автор оценивает социокультурные предпосылки оформления государства в Древней Руси. К последнему относятся исходная конфликтность этатогенеза, необходимость жесткой редистрибуции скудного прибавочного продукта, получаемого в условиях критического земледелия, централизм, дирижизм.

Ключевые слова: государство, управление, власть, абсолютизм.

Российская государственность, как множество несвободных вещей, не определяемых к действию только самими собою, складывалась не самопроизвольно. Ряд сугубо объективных факторов природного и исторического порядка наложил неизгладимый отпечаток на ход отечественного этатогенеза. Россия формировала державность в специфических геоклиматических, геополитических, геопланетарных условиях:

— страна с получаемым на форсаже — в обстановке затратного хозяйствования в районах критического земледелия — скудным прибавочным продуктом, подлежащим необходимой редистрибуции, не могла избежать центрально-административной (авторитарной) организации управления;

— страна, испытывающая непрестанный, жесткий колониционный напор по всем сторонам горизонта, для обеспечения суверенитета не могла избежать милитаризации жизневоспроизводящих циклов. По подсчетам Ключевского, Русь с XIII по XV столетие отразила 160 внешних нашествий. По данным Лосского, у нас на один год мира в среднем приходилось 2 года войны;

— страна, производительно развивающаяся вширь за счет экстенсивной запашки малопродуктивных земель, освоения цивилизационно разрозненного жизненного пространства по южному и восточному направлениям, для налаживания оперативного управления державным громадъ-

ем не могла избежать ставки на жесткие властные технологии. Поклонница французских энциклопедистов просвещенная императрица Екатерина II в заметках в защиту конституционалиста Монтескье начертала: «столь великая империя, как Россия, погибла, если бы в ней установлен был иной образ, чем деспотия, потому что только она может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний. Всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую жизнь».

Итак, централизм (авторитаризм), милитаризм, деспотизм (абсолютизм) — наша естественная стихия, наша «почва», стимулировавшая этатистскую версию державоорганизации. Этатизм у нас — не блажь, а предпосылка выживания. И в производстве, и в обороне, и в развитии лишь соблюдающее интересы целого государство — и только оно, — дабы отбиться от наседающих врагов, преодолеть сопротивление природы, сплотить народ, — по точной характеристике Ф. Нестерова, должно было властью требовать от людей столько богатств, труда, жизней, сколько испрашивалось на победу, а последние, коль скоро хотели отстоять свою политическую независимость, должны были отдавать все это, не считая.

Государство как естественное средоточие властной силы, отправляющей политику волчьей пасти и лисьего хвоста, у нас всегда было всем. Не государство обслуживало народ, а народ государство с фактически полной атрофией благотворных эффектов низовой демократической самоорганизации. Самоорганизация народа заявляет себя лишь в часы испытаний, когда «беспастушье стадо» берет на себя почему-либо проваленные традиционно государственные поводырские функции. Так было в Смутное время, в семибоярщину, в периоды ведения народно-отечественных, партизанских войн. Но это — вынужденные исключения. Правилom при величии и обильности земли нашей пребывало отсутствие наряда. Прежде все-

* © Родин П.Н.

го самой державной власти.

Власть в России носила вотчинный характер, отождествляющий отношения власти и собственности. «Между разными видами собственности не проводили никакого различия: вотчиной было и поместье, и рабы, и ценности, и права на рыболовство и разработку недр, и даже предки и родословная. Еще важнее, что ею была политическая власть, к которой относились, как к товару» [4].

Властитель любого уровня чувствовал себя посаженным на вотчину, безграничным, не скованным в пределах своего поместья хозяином. Чем большее по размеру хозяйство, тем больший произвол. Захочет стационарный зритель (дееспот в своей обители) — откажет тройку. Захочет император — отпишет землю. Не закон, а произвол — стержень организации. От «А» до «Я». От привратника до министра. Вся жизнь соткана из произвола, безнарядных выбросов самости служилых да и прочих «гулящих» лиц.

В одной из пьес позднесоветского периода воюющий с устоями борец за правду сталевар бросает плавку. Задумаемся: допустимо ли в правдоискательстве жертвовать реальностью. Может ли врач, вспоровши живот, обуреваемый идеей, урезонить начальство, прерывать операцию, покинуть больного? Вопрос, скорее всего, риторический. Цель и средство в движении к высокому требуют конкордии. Так может ли сталевар, каким бы идеальным стремлением он воспламенен ни был, оставлять домну? Может ли полицейский брать взятки? Учитель надувать? Премьер браконьерствовать? Первый секретарь дарить Крым, отчуждать земли? Накат вопросов неостановим. Как несдерживаема нарядом беспредельная практика вотчинного государственного хозяйствования.

Работа на себя и государство у нас перепутана. Взять послепетровский период: «От Петра I престол перешел к его вдове императрице Екатерине I, от нее к внуку преобразователя Петру II, от него к племяннице Петра I, дочери царя Ивана Анне, герцогине Курляндской, от нее к ребенку Ивану Антоновичу, сыну ее племянницы Анны Лепольдовны брауншвейгской, дочери Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, родной сестры Анны Ивановны, от низложенного ребенка Ивана к дочери Петра I Елизавете, от нее к ее племяннику, сыну другой дочери Петра I, герцогини голштинской Анны, к Петру III, которого низложила его жена Екатерина II.

Никогда в нашей стране, да кажется, и ни в каком другом государстве, — восклицает Ключевский, — верховная власть не переходила по такой ломанной линии. Так ломал эту линию политический путь, каким эти лица достигали власти: все они попадали на престол не по какому-либо порядку,

установленному законом или обычаем, а случайно, путем дворцового переворота или придворной интриги» [2]. Аналогичная чехарда у трона в послебрежневское время. Не порядок, а интрига, шкурная возня через Андропова, Черненко подвела в междуцарствии к нелепому Горбачеву. Не законные национальные интересы, но эгоистические происки *pro domo* решают исход дела. Так во всем. С отпечатком, остатком терратологичности. По сему поводу — на грани отчаяния горькие, до слез обидные слова Белинского: «Мы люди без отечества, нет — хуже, чем без отечества. Мы люди, у которых отечество — призрак».

Есть ли у россиян отечество? Не призрачно ли оно? И если есть и не призрачно, — то какое именно? В чем оно, что оно?

Разобраться в этих первостепенных вопросах позволит уяснение, что процесс народно-общественной — отеческой — жизни в России выступает в форме государственно-исторического процесса. История нашего отечества синонимична истории нашего государства. Крах последнего предопределяет крах первого. Это — хорошо верифицируемый материалом российской реальности факт. Следовательно, исходная связь установлена: россияне обладают отечеством, покуда обладают государством. Поскольку же государство российское неустойчиво, поскольку время от времени оно терпит крах, полный крах терпит и отечество. В отсутствие государства россияне остаются в безотеческом состоянии. Соотношение нащупано; предварительный ответ найден: наше отечество не призрак, а сказочный феникс, обладающий способностью вместе с государством то сгорать, то из пепла возрождаться.

Между тем, почему в России неустойчиво государство, почему оно от случая к случаю имеет тенденцию распадаться, навлекая утрату отечества, — проблема проблем, заслуживающего самого тщательного изучения.

Чисто эмпирически фиксируется: в России много России. Вариации державной организации представляют: родовая (предгосударственная) Русь, Киевская Русь, Золотоордынская Русь, Московская Русь, Петровская Россия, Императорская Россия, Советская Россия (СССР), постсоветская Россия. Восемь России — семь кризисов государственности, воссоздающих малопонятную циклику державного распада: государство, казалось бы, навеки утрачивает все, точно шагреновая кожа съезживается до начального предела, и вдруг распрямляется, набирая силу, обретает былое могущество. Подобий такого рода державных циклов (инверсий) нет. В том и загадка, на уровне цивилизационно-исторических рассматриваний полувыведенная специальная отоображение в характерном образе России-Сфинкса.

Отвергая схему трансгредидентности России своему культурному содержанию, цивилизационному составу, равно как славянофильские версификации якобы врожденной, природной нашей бессеребрённости, в ходе рефлексии проблемы перипетии России будем объяснять не мистикой, а перипетиями самой же России.

Итак: как завязывался наш государственный порядок и почему с некоей периодичностью во времени он развязывался? Каковы внутренние пружины качания русского державного маятника?

Процесс государствообразования на Руси изначально был лишен признаков централизованности. Южные славяне во главе с полянами единились вокруг Киева, северные славяне во главе со словенами — вокруг Новгорода. Политическое двоецентрие древней Руси иницировалось условиями жесткой борьбы за выживание на южном направлении с хазарами, на северном — с варягами. Оплотом борьбы с разбойничьими походами на Русь за данью на Юге выступал Киев, на Севере — Новгород. Неверно, следовательно, что отечественная государственность привносилась извне. Напротив, она складывалась изнутри в страновой конкуренции с державными соседями.

Пора очистить теоретически фундаментальный вопрос об отечественном этатогенезе от напластований конъюнктурного норманизма. Российскую государственность, как государственность вообще, нельзя экспортировать: внешняя экспансия может и могла лишь ускорять ее естественное вызревание.

Политико-хозяйственная эмансипация полян от хазар осуществлялась при Аскольде и Дире, действовавших вполне державно. Сложнее складывалась ситуация на севере, где борьба с варягами вначале привела к выдвиганию на правление старейшины Гостомысла, однако затем, вероятно, сказались пережитки родовой жизни: между Гостомыслом и родовыми авторитетами возник конфликт, пошли усобицы, ополчился «род на род», «град на град». Здесь, по С. Соловьеву, по-видимому, созрела идея соединения всех родов под одним общим старшиною, ко всем родам «одинаковым». Последнее достигалось лишь в случае, когда старшина был чужеродцем. Потому сперва прогнали, потом, перессорившись, позвали варягов на Русь княжить.

Даже допустив, что так все и было, что из того следует? Сделать некий факт завершающим звеном какой-либо философской арки, это — порочное гегельянство. Чем же оно оправдано? Разлетевшаяся сотнями перепевов по предвзятым текстам норманская теория до мозга костей тенденциозна, неправильна. У славян имелись признаки государственности задолго до событий,

излагаемых в легенде. В VI в. славяне вели борьбу с Византией. В VII в. напали на закавказские владения персов. Налаживание подобных мероприятий не могло не опираться на элементы государства (властная иерархия, регламентированная интеракция, правооформленность социальных ролей и т.д.).

Повторяем: государственность славян завезена не была. Имеющиеся данные позволяют квалифицировать варяжскую модель русской государственности как сугубый вымысел.

1. Легенда о братьях Рюрик, Синеусе и Труворе с родами, избравшимися на княжение, является русской калькой известного хрониста Видукинда, повествующего о приглашении бритами братьев-саксов Вихтгизеля, Хенигста, Хорса на правление.

2. Родоначальник княжеского дома на Руси — Игорь; очевидно, искажает дело Нестор, приписывая Игорю мнимое родство с Рюриком и вклинивая между ними Олега (якобы родственника Рюрика, опекуна Игоря).

3. Крупный вклад в проблему подлинности сообщений «Повести временных лет» внес А. Шахматов, доказавший, что документ аутентичный нам не ведом. Свод монаха Нестора (1113 г.), по поручению Владимира Мономаха, откорректирован игуменом Сильвестром (1116 г.). «Повесть...» — синтетическое произведение, возникшее в результате обработки: «Начального свода», греческой хроники Георгия Амартола, греческого хронографа, Никифорова «Летописца вскоре», жития Василия Нового, откровения Мефодия Патарского, сказания об обретении грамоты славянской, легенды об апостоле Андрее, Договоров с греками, отдельных русских повестей (жития святых), отрывков церковных поучений, местных преданий, устных сообщений отдельных лиц. Рукой летописца, — указывает Шахматов, — управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям и лицам и оценку религиозного мыслителя, чающего водворения царства божия в земной юдоли, — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы.

Ключевые фигуры оформления киевской древнерусской государственности Олег и Игорь. Первый, будучи новгородским князем, спустившись по Днепру, силой захватил Киев (882 г.), поставил под свой контроль великий водный путь из варяг в греки, покорил древлян, северян, радимичей (высвободив два последних племени из-под власти хазар). Второй распространил владения киевского государства на уличей, тиверцев, заключил соглашения с греками о торговле и союзнничестве. Представление важности державных

усилий Игоря в становлении киевской государственности позволяет не согласиться с марксовской трактовкой киевской Руси как «державы Рюриковичей».

Сын Игоря Святослав и сын Святослава Владимир продолжили державное расширение Руси, государственную организацию. Святослав разгромил хазар, на Северном Кавказе покорил ясов, касогов (осетин, черкесов), основал тьмутараканское княжество, правда, безуспешно воевал с Византией. Владимир, оказав военно-политическую услугу византийскому императору Василию II, женился на его сестре Анне. Тем самым Византия способствовала признанию могущества Руси. Около 988 г. Русь приняла христианство. Международное значение данного акта заключалось в сближении с европейской цивилизацией и преодолении разобщенности с Европой. Внутриполитическое значение принятия единой государственной религии состояло в задании унитарной ценностной основы сознания народа.

Выполняющий ценностную идентификацию духовности населения специфический символизм — капитальный признак, отличающий государство. В самом деле, — разъясняет П. Сорокин, — «как иначе объяснить все эти атрибуты власти: скипетр, державу, порфиру, гербы, знамена, короны, аксельбанты, петлицы и т.д. и т.п. Если бы суть дела... была в самих «скипетрах», «коронах» и «гербах», то мы поистине имели бы перед собой абсурдное и необъяснимое. Почитать и считать священным эти комплексы различных то металлических, то деревянных предметов... было бы каким-то недоразумением. Мало ли есть металлических вещей и корон, мало ли есть жезлов и т.д., однако они не почитаются. Значит... суть дела не в скипетрах и жезлах и т.д., а в том, что последние только «предметные» символы определенных психических переживаний, мыслей и чувств, именуемых государством» [6]. С принятием христианства, помимо прочего, Русь получила (через письменность) доступ к наиболее высокой по тем временам византийской культуре.

Княжение Владимира (978-1015 гг.) завершает формирование древнерусского государства — мощного политико-экономического образования с разветвленной пирамидой власти, правовыми аксессуарами, единой ценностно-духовной базой. Предпринятые Владимиром походы на хорватов, поляков, ятвягов, радимичей, вятичей, камских болгар значительно расширили пределы русского государства; замена местных «светлых и великих князей» своими ставленниками (наместниками, посадниками) позволила Владимиру сплотить, централизовать управление державой.

После Владимира не на жизнь, а на смерть развернулась война за трон между его сыновьями

— Святополком, Борисом, Глебом, Святославом, Ярославом. Убивший трех братьев Святополк потерпел поражение ставленника Новгорода Ярослава. Святополк бежал в Польшу. Борьба за власть переросла в борьбу стран. Одолев противников, Ярослав добился-таки единовластия, но крайне дорогой ценой — прямой конфронтацией с братьями, племянником (Брячиславом), Польшей, печенегами.

Ярослав восстановил государственное единство, однако ликвидировать сепаратизм провинций уже не мог. В отсутствие порядка престолонаследия ввиду кровавого опыта усобиц, положенного сыновьями Святополка Ярополком, Олегом, Владимиром, схлестнувшись в тронискательстве, Ярослав самолично, предотвращая братоубийство, разделил государство между Ярославичами. Изяславу поручались Киев и Новгород, Святославу — Чернигов и Тьмутаракань, Всеволоду — Переяславль, Ростов и Суздаль, Игорю — Волынь, Вячеславу — Смоленск.

Однако! Властно разделенная, децентрализованная Русь стремительно деградировала:

— в военно-политическом отношении не могла эффективно противостоять страновым конкурентам (тем же выдавившим печенегов с южных рубежей половцам);

— в хозяйственном отношении затратное дробление власти, интенсифицирующее эксплуатацию непосредственных производителей для своего поддержания, инициировало рост социального недовольства; пошла волна мятежей (Суздаль 1024 г., Киев 1068 г.), для подавления которых пришлось прибегать к услугам наемников (Изяслав вернулся в Киев в польском обозе);

— в державном отношении Русь перестала быть крепкой. После киевского восстания практически распалась на феодальные вотчины, бесконечно перераспределяемые местными князьями. Плюралистический status quo узаконил Любечский съезд (1097 г.) князей, введший принцип «каждый да держит вотчину свою».

Падение центральной власти, натурально, означало *державный распад Руси*. Последующие события лишь подтвердили сказанное.

Феодальные усобицы разорвали и обескровили страну; к XIII столетию политически монопольного государства не стало. В 1137 г. отложился Новгород; киевский князь утратил статус главы новгородской республики, верховная власть сосредоточилась у веча. Фрагментировалась Владимиро-Суздальская земля. В 1169 г. Андрей Боголюбский захватил Киев, после чего функция политического центра перешли Владимиру. С кончиной Всеволода III Большое Гнездо, однако, общерусское значение Владимира утрачивается. Обособилась Галицко-Волынская земля, терзае-

мая поддерживаемыми Польшей, Литвой, Венгрией бесконечными боярскими смутами. Автономизировались и раздробились Муромо-Рязанское и Полоцкое княжества.

Саморазложившаяся властным беззастенчивым регионализируемая Русь словно ждала завоевателя. Киевская Русь еще не знает Русской истории. Историю России здесь пока предваряют русские истории [5]. Между тем вполне ясно: в подспудье всех русских историй лежит источником Киевская Русь, не породившая, не отработавшая, к несчастью, единой и нерушимой магистрали отечественной государственности.

В связи с обозначенными особенностями киевского периода русской государственной системы в качестве вывода ограничимся регистрацией следующих важных обстоятельств.

1. Причина странного хирения Руси — властный плюрализм, политически удельное многоцентрие, осложнявшееся негативным влиянием внешних факторов в виде дестабилизирующих давлений печенегов, половцев на юге, Польши, Литвы, Венгрии на западе и северо-западе. Прилегающее зарубежье, не вовлеченное в зону нашего политического тяготения, традиционно для Руси источник смуты.

2. Региональная пикировка Киева с Новгородом, Киева с Владимиром породила пренеприятнейший феномен географического раскола Руси на северную и южную половины, что, бросая тень на всю историю восточнославянских народов, сказывается и сегодня.

3. Казалось бы, ординарный для удельного этапа державной жизни захват Андреем Боголюбским столицы с отказом «занять стол в Киеве» и последующим переносом резиденции власти во Владимир обернулся неординарным событием — внедрением в политическую практику модели, попирающей традиции, устои, регламенты волюнтарной власти.

Акция Андрея Боголюбского не тривиальная анархистская эскапада в духе катастрофического поругания завязывающейся державной биографии, начавшего структурироваться политико-властного пространства. В ней нечто большее — некая разлагающая метафизика своеволия, плодятся фигуры «я сам себе голова, работник и устроитель общества», «это мое, ибо мной заведено, приобретено, привнесено», — порочные доминанты отечественного отношения к миру, наиболее выпукло проявляющиеся в *понятии державного дела как удела, составляющего личную собственность владельца.*

Метафизика эта, обобщал Ключевский, переходя от отца к детям, стала наследственной, фамильной привычкой русских самодержцев; они руководствовались ею в устроении своих вотчин,

как и в распоряжении ими [1]. Иовов в истории было мало. Гораздо больше их антиподов. И лишь один из них — Андрей Боголюбский, погрузивший историю Руси в лоно агрессивно-практичной волюнтарной историософии.

4. «Гибель носителя верховной власти или гибель его династии в этих условиях, — справедливо отмечает В. Шаров, — неизбежно означает отказ от преемства власти: верховная власть не распространяется ни на кого, кроме ее непосредственного носителя. Гибель властителя — конец всякой власти вообще» [7]. Дискретизация власти в виде черты, красной нитью идущей сквозь отечественную державную историю, закладывается в данном месте и в данное время.

5. Освоение новых земель в ходе завоевательных походов, начинающейся колонизации упрочило удельный порядок правления. Первый князь удела согласно метафизике Андрея Боголюбского «привыкал видеть в своем владении не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую он заселял и устраивал в общество. Понятие о князе как личном собственнике удела было юридическим следствием значения князя как заселителя и устроителя своего удела» [3]. Этим объясняется универсальность удельного порядка властвования на Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 348.
2. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 237.
3. Ключевский В.О. Цит. соч. С. 348-349.
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 61.
5. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система // Рубежи. 1995. № 1.
6. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 45.
7. Шаров В. Психология русской Истории // Страна и мир. Мюнхен, 1990. № 57. С. 130.

P. Rodin

SOCIAL AND CULTURAL FEATURES OF REGISTRATION OF OLD RUSSIAN STATEHOOD

Abstract: The author estimates socio-cultural preconditions of registration the state in Ancient Russia. The last mentioned concern an initial conflictness etatogenesis, necessity rigid redistribution the poor additional product received in the conditions of critical agriculture, centralism, dirigism.

Key words: state, management, power, absolutism.